

Anna Kulik

Из истории русского глагола – перфект (на основании "Радзивилловской летописи")

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 4, 255-266

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

**ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ГЛАГОЛА – ПЕРФЕКТ
(НА ОСНОВАНИИ РАДЗИВИЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ)**

Anna Kulik

*Uniwersytet w Białymstoku
Białystok, Polska
annakulik123@gmail.com*

Ключевые слова: *перфект, глагол, древнерусский язык, традиционная запись, Радзивиловская летопись*

Перфект – форма сложного прошедшего времени, выражающая действие или состояние, результат которого наблюдается в настоящем [Букатевиц, Савицкая, Усачева 1974: 196]. В древнерусском языке таким образом определялась форма, которая в дальнейшем становлении языка оказалась единственным средством передачи значения того, что случилось в прошлом. В начальном периоде развития языка перфект образовывался с помощью вспомогательного глагола *быти* в настоящем времени и действительного причастия на *-л-*, изменяющегося по родам и числам.

В данной статье рассмотрим формы перфекта, которые наблюдаются в *Радзивиловской летописи*, в отношении к употреблению форм со вспомогательным глаголом *быти* и без него. Языковой материал опирается на факсимильном издании памятника XV века [*Радзивиловская летопись*: online]. В заключении определим в какой степени перфект сохранил свои древнейшие формы, а также на основании наблюдений, относящихся к употреблению форм с глаголом *быти* и форм, состоящих из одного бывшего причастия на *-л-*, попытаемся установить, какие перфектные формы являлись традиционными ко времени работы писца над *Радзивиловской летописью*.

В памятнике перфект наблюдается во всех личных формах, за исключением 1 л. дв. ч. Перфект в 1 л. ед. ч. формально представлен 23 формами м. р. и 1 формой ж. р. Формы, сохраняющие древнейший строй с причастием на *-л-* и вспомогательным глаголом в виде *есмь*, встречаются только среди форм м. р. Нормативных форм перфекта 6, ср. «есмь обещаь» (л. 109 об.), «есмь не молвиѣ» (л. 143), «хотѣ ль есмь» (л. 143), «не помыслиѣ есмь» (л. 143 об.), «есмь <...>

не бы^т» (л. 197 об.), «есмь поималь» (л. 221). Среди форм, сохранивших вспомогательный глагол, наблюдаются также формы с *есми*. Употребление *есми* свидетельствует о падении редуцированных гласных. Последствием падения сверхкратких звуков было совпадение форм настоящего времени от глагола *быти* в 1 л. ед. и 1 л. мн. ч. По этому поводу в 1 л. ед. ч. возник вариант *есми*, который развивался независимо друг от друга в северо-, западно- и южнорусских говорах [Kuraszkiewicz 1934: 126; Соболевский 1907: 167]¹. Перфектные формы с *есми* возникли, предположительно, под влиянием формы *еси* [Ягич 1889: 101; Kuraszkiewicz 1934: 126]. В *Радзивилловской летописи* 7 форм перфекта, в которых фиксируется запись вспомогательного глагола *есми*, ср. «прише^т есми» (л. 35 об.), «есми вышель» (л. 68), «есми велѣ ль» (л. 139), «хотѣ^т есми» (л. 143 об.), «добы^т есми» (л. 182 об.), «есми сѣ ль» (л. 200), «послалѣ есми» (л. 213 об.). В остальных 10 примерах форм м. р., а также одном ж. р. не встречаем вспомогательного глагола, ср. формы м. р.: «азъ бо почаль» (л. 43), «не я почаль» (л. 80), «я ва^т постригль» (л. 91 об.), «я же слыше^т» (л. 134 об.), «не азъ слепилъ <...> и велѣ» (л. 141 об.), «азъ <...> сотворилъ» (л. 143), «ци я се сотворилъ» (л. 144), «я самъ боялься» (л. 144), «язъ к тобѣ послалъ» (л. 239), а также форму ж. р.: «азъ м^ттила» (л. 30).

В памятнике наблюдается почти одинаковое количество форм 1 л. ед. ч. со вспомогательным глаголом (13 форм) и без него (11 форм). Однако сфера употребления одних и других форм чётко разграничивается. Формы со вспомогательным глаголом почти исключительно применяются в условиях, в которых нет непосредственного указания на лицо говорящего. Только две формы перфекта употребляются в близком соседстве личного местоимения 1 л., ср. «азъ бо ляхом^м много зла сотворилъ и хотѣ ль есмь створити» (л. 143) и «азъ есмь му^жь е^т прише^т есми» (л. 35 об.). Зато, все формы, которые состоят только из причастия на *-л-*, имеют указание на производителя действия в виде личного местоимения.

В летописи формы перфекта 2 л. ед. ч. характеризуются большей устойчивостью, чем формы 1 л. В памятнике встречаем 47 перфектных форм, из числа которых можно выделить 45 м. р. и 2 ж. р. Среди всех форм только 2 м. р., выступают без вспомогательного глагола *еси*, ср. «ты не училъ» (л. 151) и «пы² у мене выбилъ» (л. 239). Остальные перфектные формы восходят к древнейшим, ср. формы м. р.: «поималь еси» (л. 27 об.), «ты еси хотѣ ль» (л. 41 об.), «сол^тилъ еси» (л. 44 об.), «ты вифлеомѣ <...> не могль еси» (л. 55 об.), «испустиль еси» (л. 56), «Г^ти <...> обратилъ еси» (л. 69), «брате мой <...> еси улучилъ» (л. 77), «мстилъ еси <...> и положи^т еси» (л. 82), «игумен еже ми еси обещаль» (л. 109 об.), «прелстилъ мя еси дьяволе» (л. 112 об.), «поклони^тся еси» (л. 113 об.), «исакие победил ны еси» (л. 114), «очё^т <...> что еси пожилъ»

¹ Кроме того, некоторые учёные особо подчёркивали присутствие формы *есми* в севернорусских [Обнорский 2010: 101] и старобелорусских памятниках [Булыка, Жураўскі, Крамко, Свяжынскі 1988: 190].

² В рукописи наблюдается ошибочная запись буквы *т* в местоимении *ты*.

(л. 117), «гѣ бже <...> вдаль еси» (л. 120), «наставниче фео^дсий <...> бгу послужыль еси <...> принесль еси <...> почиль еси» (л. 123), «ты не шель еси» (л. 131 об.), «убиль еси» (л. 136 об.), «сотвориль еси» (л. 141 об.), «ввергль еси» (л. 141 об.), «еси ослепиль» (л. 141 об.), «еси ему се сотвориль» (л. 141 об.), «колко еси зла сотвори^т» (л. 144), «ты еси присла^т» (л. 147), «еси прише^т» (л. 147), «в^ввергль еси» (л. 147), «ты еси ше^т» (л. 149), «повель еси <...> и не успѣ ^теси» (л. 160 об.), «кр^тть еси ко мнѣ целоваль» (л. 160 об.), «обрекль ми еси» (л. 174 об.), «еси прише^т» (л. 181), «еси целова^т» (л. 193), «въсприя^т еси андрѣ ю <...> въсле^дваль еси» (л. 214), «очѣ гѣ <...> яко утайль еси <...> и открьль еси» (л. 220 об.), «удариль еси» (л. 223 об.), «гѣ послаль еси» (л. 226 об.), «еси у мене пояль» (л. 239), «еси кр^тть целоваль» (л. 244), а также формы ж. р.: «переклюкала мя еси олго» (л. 32)³, «чадо <...> кр^ттила^т еси» (л. 32).

В летописи перфектные формы с *еси* находим как в положении, в котором непосредственно не определяется собеседник (24х), так и в позиции, в которой рядом с перфектом указывается тот, к кому обращается говорящий (21х). Стоит однако обратить внимание на то, что формы со вспомогательным глаголом, у которых указывается адресат, применяются прежде всего при непосредственных обращениях (18х)⁴. При постановке самого личного местоимения *ты* аналитическая перфектная форма наблюдается 3х. Следовательно, количество форм, в которых пропускается вспомогательный глагол в аналогичных ситуациях с местоимением *ты* (2х) почти одинаковое. Из этого можно сделать вывод, что в рассматриваемом памятнике древнейшие формы перфекта 2 л. употребляются регулярно не только в положении, в котором нет указания на собеседника, но также в позиции с препозитивным или постпозитивным обращением. Похожее количество форм с *еси* во фразах, в которых наблюдается местоимение *ты*, может свидетельствовать о том, что в этом положении в литературном языке вспомогательный глагол исчез раньше, чем в других позициях.

Перфектные формы 3 л. ед. ч. представлены самой многочисленной группой примеров – 198 форм. Среди них можно выделить перфект м. р. (169 форм), ж. р. (8 форм) и с. р. (21 форма). В памятнике встречаем 46 форм, в которых сохраняется вспомогательный глагол, чаще всего в виде *e^т* (32х), но также в полной записи *есть* (11х) и в единичных случаях *нѣ* (1х) и *e^т* (2х)⁵. Аналитические перфектные формы наблюдаем прежде всего среди форм м. р. (43х), редко выступают среди форм ж. р. (1х) и с. р. (2х).

В *Радзивилловской летописи* большинство перфектных форм м. р. выступает в виде самого причастия на *-л-* (126). Форм, образованных древнейшим способом, 43. Разграничение сферы употребления аналитической формы и формы, в которой отсутствует вспомогательный глагол, является затруднительным, потому что обе формы наблюдаются в аналогичном положении. Соотноше-

³ В ПСРЛ т. 38 запись вспомогательного глагола не соответствует записи в рукописи, ср. «Переклюкала мя еси, Олго» [Полное собрание... 1989: 31].

⁴ К числу примеров с обращениями включаем также фразу, в которой перед обращением стоит местоимение *ты*, ср. «ты вифлеомѣ домѣ ефрантовѣ егда не могль еси» (л. 55 об.).

⁵ В записях *e^т* – буква *t* приписана другими чернилами.

ние между формами на *-л-* и аналитическими формами перфекта представляется следующим образом: 90:28 в предложениях, в которых производитель действия или предмет состояния выражен именем существительным, 27:9 в предложении, в котором исполнитель действия прямо не назван, а также 9:6 в позиции рядом с личным (4:1), указательным (2:1) или вопросительно-относительным местоимением (3:4), ср. некоторые примеры перфектных форм без глагола *есть*: «доше^т ап^{ль} павель» (л. 14), «има^т оле^{гъ}» (л. 23), «казалъ ц^{рь}» (л. 26 об.), «почалъ быти монастырь» (л. 93); «поставиль» (л. 11), «иже погуби^т» (л. 17 об.), «ялься» (л. 39); «онъ^т <...> при^ѣ ха^т» (л. 97), «он же на мя привель» (л. 182), «той <...> бра наше^т уби^т» (л. 182), «а кто тя мнѣ^т з^{дѣ}» (л. 163 об.), «кто како терпель» (л. 245) и со вспомогательным глаголом: «конь умерль е^т» (л. 19), «увѣ да^т е^{сть} кнзѣ» (л. 24), «е^т монастырь <...> поше^т» (л. 92 об.), «умерль е^{сть} всеволо^т» (л. 125 об.); «защитил бо е^{ст}» (л. 37), «возвеличилъ е^{ст}» (л. 43); «при-яль е^{сть} и онъ» (л. 25), «той е^т основаль» (л. 121), «нѣ^т кто имъ удариль» (л. 68), «кто сотвориль е^{сть}» (л. 117 об.).

Контекст, как видно из приведённых примеров, не обуславливал применения той или другой формы м. р. Тем не менее, текст *Радзивилловской летописи* можно разделить на две основные части. Первая из них, более древняя, *Повесть временных лет* [Шахматов 2001: 9] завершается в половине 155 л. вместе с концом 1110 года (в летописи 6618 г.), когда упоминается о том, что составителем летописи был Сильвестр⁶. Вторая часть текста начинается с 1112 года (в памятнике 6620 г.) и продолжается до конца рукописи. В первой части летописи находим 98 перфектных форм м. р., из которых аналитическую структуру имеет 34. Во второй части выступает 71 форма м. р., а среди них 9 сложных форм прошедшего времени. Следовательно, аналитические формы перфекта содержит прежде всего первая часть летописи. Во второй формы со вспомогательным глаголом, в основном, засвидетельствованы в предложениях, в которых производителем действия является божественная сила, ср. «бѣ <...> возлюбилъ е^т и вознесль е^{сть} <...> яви^т е^{сть}» (л. 231), «се бѣ да^т е^т» (л. 231 об.), «гѣ избавил ны е^т» (л. 232), «бѣ яко^ж возлюбилъ е^т на^т и възнесль е^т» (л. 235). В таком положении выступает 7 аналитических перфектных форм. В одном случае производителем действия не является высшая сила, ср. «умерль е^т володимиръ» (л. 159 об.), а в другом – субъект действия прямо не назван и, кроме того, в самой перфектной форме наблюдается графическая мена *ѣ>о*⁷, ср. «не помяну зла рюрикова что е^{сть} сотворило у русте земли но да йему» (л. 244 об.-245). Поскольку большинство форм находим рядом с производителем действия, т. е. божественной силой, то можно предполагать, что в тексте летописи, следующем после *Повести временных лет*, писец применяет аналитические формы перфекта под влиянием памятников церковно-религиозного харак-

⁶ Некоторые учёные предполагают, что *Повесть временных лет* завершается в 1117 году [Sielicki 1968: 20], но если даже учесть этот год в качестве последнего *Повести*, то не повлияет это в большой степени на колебание форм, выступающих в обеих частях текста.

⁷ Такие мены встречались в памятниках XII-XIV вв. [*Историческая грамматика...* 1982: 59].

тера, в которых старославянские формы являлись господствующими [Bartoszewicz 1979: 55]. Обращаем однако внимание на то, что в аналогичном положении как в первой (4х), так и во второй части летописи (6х) наблюдаются перфектные формы без вспомогательного глагола, ср. «бѣ <...> иже сотвориль» (л. 46 об.), «бѣ а иже сотвориль» (л. 52), «бѣ иже сотвориль» (л. 52), «сотвориль бѣ» (л. 103 об.), «бѣ заступи^т мя и кр^ть» (л. 178), «бѣ посади^т» (л. 207), «бѣ поя^т» (л. 216 об.), «бѣ поаль» (л. 222), «бѣ поя^т» (л. 223 об.), «бѣ россудиль» (л. 223 об.). Следовательно, сложные формы прошедшего времени, употребляемые рядом с И. п. ед. ч. имени существительного, называющего высшую силу, являются традиционными. Из этого можно также сделать вывод, что неупорядоченная запись перфектных форм м. р. как со вспомогательным глаголом, так и без него, при одновременном преобладании вторых форм над первыми и наличии форм с *есть* прежде всего в древнейшей части летописи, говорит о том, что аналитические формы 3 л. ед. ч. м. р. отсутствовали в живом языке составителя летописи.

В *Радзивилловской летописи* перфектные формы 3 л. ед. ч. ж. р. засвидетельствованы в 8 случаях. Среди этих форм, только одна отличается аналитической структурой. Она наблюдается в положении рядом с подлежащим, выраженным И. п., ср. «е^т пошла рѣская земля» (л. 1 об.). Остальные формы состоят исключительно из причастия. Перфектные формы, в которых отсутствует вспомогательный глагол, употребляются рядом с И. п. имени существительного бх, ср. «су^т была» (л. 53), «пришла вѣ сть» (л. 76 об.), «сѣ ча зла такова не бывала» (л. 82), «яла вы рота» (л. 151), «плакала на тре^х икона^х стая бѣца» (л. 210), «цркъвѣ <...> та загорѣ ла^т» (л. 230). В одном случае форма ж. р. применяется в предложении, в котором нет прямого указания на производителя действия, ср. «сим^ж полко^м нелзѣ бя^ш бити^т с мим тесноты ра^{ди} зане болота пришла» (л. 174). Надо, однако сказать, что в последнем случае форма ж. р. употребляется ошибочно, потому что контекст говорит нам о том, что глагол относится к существительному *полки*. Следовательно, в данном предложении должна наблюдаться форма мн. ч. *пришли*, а не ед. ч. ж. р. *пришла*⁸.

Итак, можно сказать, что в *Радзивилловской летописи* перфектные формы 3 л. ед. ч. ж. р. последовательно употребляются без *есть* при наличии подлежащего, а единственную аналитическую форму следует рассматривать как традиционную запись, так как она наблюдается в самом начале летописи.

Среди 21 перфектной формы 3 л. ед. ч. с. р., можно выделить 19, в которых вспомогательный глагол отсутствует и 2, в которых *есть* сохраняется. Формы с. р. наблюдаются в двух конструкциях – личной и безличной. Перфектные формы преобладают в безличных конструкциях. В них встречаем 15 форм, из числа которых 2 отличаются сложной структурой и 13 наличием одного причастия на -л-, ср. «елико и^х свѣщние приало естѣ» (л. 24), «сего не было е^т в рѣкой земли» (л. 141); «смърть было взяти мнѣ » (л. 19), «умножилось брати» (л. 91 об.), «сякого не было прежде в руси» (л. 121), «се^тне было в роде нашемъ» (л. 141

⁸ Быть может, писец использовал форму ж. р. под влиянием другого определения войска, т. е. *роты*, прочитав слово *болота* как *рота*.

об.), «остало̃его» (л. 155 об.), «ц̃рквей единѣ^x изгорѣ ло» (л. 158 об.), «тако и пре^ж было» (л. 170 об.), «бы̃морь <...> акъ же не было николиже» (л. 197-197 об.), «ц̃рквь <...> сгорѣ^я коеже не было» (л. 204), «берендѣ евь было с ними» (л. 231 об.), «кнз̃ый было половецкихъ» (л. 231 об.). В памятнике в 6 личных конструкциях наблюдаем перфектные формы с. р. без вспомогательного глагола, ср. «было ли се» (л. 56), «вечье было» (л. 71 об.), «избило море ру̃» (л. 88 об.), «помышление въ сер^дце моемъ не было» (л. 143 об.), «се уже тако̃ сотворило» (л. 216 об.), «ту было мироположение» (л. 245). В данных конструкциях подлежащее выражено либо именем существительным (4х), либо указательным местоимением *се* (2х).

Следовательно, можем сказать, что в *Радзивилловской летописи* перфектные формы с. р. без глагола *есть* последовательно употребляются в личных конструкциях с выраженным подлежащим. Единичные случаи использования писцом аналитических форм следует приписывать традиции, потому что формы эти не применяются в каких-то особых условиях.

Рассмотрев все перфектные формы 3 л. ед. ч., можем сказать, что употребление аналитических форм не определяется «внешними показателями» (например, частью речи, выражающей подлежащее или наличием личной/безличной конструкции), потому что в сходных обстоятельствах, в большинстве случаев⁹, преобладают формы без глагола *есть*. Следовательно, формы без вспомогательного глагола являются господствующими в *Радзивилловской летописи* не только в общем количественном соотношении, но также в сопоставлении, относящемся к сфере употребления. Поскольку формы с *есть* выступают прежде всего в древнейшей части летописи¹⁰, то их применение следует связывать с традицией. Итак, можем прийти к выводу, что аналитические формы 3 л. во время составления рукописи были чужды живому языку.

В *Радзивилловской летописи* 16 перфектных форм м. р. 1 л. мн. ч. Среди них 10 аналитических форм. В памятнике не наблюдаем древнейшей реализации перфекта с глаголом *есмы*. Вспомогательный глагол выступает в двух разновидностях – *есмо* (8х) и *есмы* (2х)¹¹, ср. «кр̃тились есмо» (л. 26), «створили есмо» (л. 100 об.), «воскормили есмо» (л. 149), «есмо совокупили» (л. 183 об.), «есмо перебрели» (л. 190), «пришли есмо» (л. 228 об.), «есмо избили» (л. 232 об.), «есмо <...> воевали» (л. 239); «были есмы» (л. 60), «нѣ^смы слыхали» (л. 134 об.). Оба варианта возникли по поводу сходства древнейшей формы 1 л. мн. ч. (*есмы*) с формой 1 л. ед. ч. (*есмы*). Первый вариант – *есмо*, который преобладает в перфектных формах, появился позже варианта *есмы* [Ларин 1975: 226]. Форма *есмо* начала распространяться с XIV в. [Ларин 1975: 226; Булыка,

⁹ Только в одном случае аналитические формы м. р. преобладают над формами без *есть*, т. е. когда подлежащее выражено относительно-вопросительным местоимением *кто*. В этом положении первых форм 4, вторых – 3. Тем не менее, общее количество форм без вспомогательного глагола в позиции с разными местоимениями (также личными и указательными) превосходит число форм с *есть*, ср. соотношение 9:6.

¹⁰ В *Повести временных лет* наблюдается 37 форм с *есть*, во второй части летописи – 9.

¹¹ В памятнике вариантом *есмы* является отрицание *нѣсмы*.

Жураўскі, Крамко, Свяжынскі 1988: 193]¹². Возникновение этой формы трудно объяснить¹³. Быть может, *есмо* является результатом лабиализации *ы* в форме *есмы* в позиции после губного согласного¹⁴. Вторая разновидность – *есмы* появилась под влиянием личного местоимения *мы* [Stieber 1973: 27]¹⁵. Первые случаи употребления данной формы засвидетельствованы в памятнике конца XI в. [Колесов 2005: 482] В *Радзивиловской летописи* находим также 8 перфектных форм, в которых вспомогательный глагол не наблюдается, ср. «не мы̃ имали» (л. 17), «не мы е̃ убили» (л. 179 об.), «мы <...> кн̃зя прияли к собѣ и кр̃тъ целовали» (л. 218 об.), «мы кн̃же <...> не были» (л. 221), «мы <...> приѣ хали» (л. 226).

Сфера употребления форм 1 л. мн. ч. с глаголом *есмо/есмы* и без него представляется достаточно чётко. Формы без вспомогательного глагола выступают в положении, в котором подлежащее выражено личным местоимением *мы*. В сходной ситуации находим только одну аналитическую форму¹⁶, ср. «мы уже зло створили есмо» (л. 100 об.). В остальных 8 случаях формы со вспомогательным глаголом употребляются в положении, в котором предмет действия не выражен. В одном случае сложная форма выступает в безличной конструкции и в одном – подлежащее выражено определительным местоимением *вси*. Следовательно, в *Радзивиловской летописи* применение перфектной формы 1 л. мн. ч. было связано с условиями, в которых она появлялась. Не употребление личного местоимения в функции подлежащего обуславливало применение аналитической формы.

В *Радзивиловской летописи* засвидетельствованы перфектные формы 2 л. мн. ч. м. р. в 6 случаях. Все они характеризуются аналитической структурой. В памятнике 3х наблюдаются древнейшие формы перфекта, ср. «ся есте покорили» (л. 30 об.), «есте сняли» (л. 140 об.), «вы е̃те по̃вели» (л. 213). В 3 остальных случаях не встречаем вспомогательного глагола *есте*, ср. «естъ привабили» (л. 147), «проливали есть» (л. 151), «еста убили» (л. 179 об.).

Следовательно, в памятнике 3 нормативные формы и 3 ненормативные. Среди нормативных форм, одна находится рядом с личным местоимением *вы*. В остальных нормативных и ненормативных формах подлежащее не выражено.

¹² Надо однако сказать, что сами формы 1 л. мн. ч. на *-мо* были известны раньше. Они редко встречались уже в староукраинских пмятниках XII в. [Lehr-Splawinski, Zwoliński, Hrabec 1956: 25].

¹³ Существуют противоречивые предположения на тему возникновения *есмо*. И. В. Ягич, например, считает, что *-мо* в форме *есмо* развилось с *-мь* и *-мы* [Ягич 1889: 96]. Z. Stieber, зато, отбрасывает возможность возникновения *-мо* с *-мь* [Stieber 1973: 27].

¹⁴ Таким образом Z. Stieber объясняет возникновение форм с конечным *-мо* в верхнелужицком языке [Stieber 1973: 27].

¹⁵ В польских грамматиках находим сходное истолкование окончания 1 л. мн. ч. *-ту* [Klemensiewicz, Lehr-Splawinski, Urbańczyk 1981: 359].

¹⁶ В летописи встречаем ещё три случая близкого соседства местоимения *мы* и сложной формы перфекта, но *мы* относится к другой глагольной форме, ср. «мы же елико на̃ кр̃тилися есмо кляхомъ̃» (л. 26), «мы въ земли и̃ есмы и самъ̃ есмо избили» (л. 232 об.), «находихо̃м мы̃ чю̃ ново егоже н̃бсмы слыхали» (л. 134 об.).

В памятнике нет форм, состоящих из одного древнейшего причастия на *-л-*, однако можем предполагать, что в живой речи они были распространены. Свидетельствует об этом количество форм с ошибочным вспомогательным глаголом. Стоит обратить внимание, что писец использует спрягаемую форму глагола *быти* в несоответствующем числе (*есть, еста*). Предположительно, составитель летописи употребляет эти формы под влиянием других малоупотребительных сложных форм 3 л. ед. ч. и дв. ч. Итак, можем сказать, что присутствие 3 нормативных форм быстрее связано с традицией, а не с определёнными условиями их использования.

В *Радзивилловской летописи* 57 перфектных форм 3 л. мн. ч., среди них можно выделить формы м. р. (55) и с. р. (2). В памятнике перфектные формы, состоящие из одного древнейшего причастия на *-л-* преобладают над формами со вспомогательным глаголом. Они наблюдаются в большинстве форм м. р. (36) и одной форме с. р. Остальные формы восходят к древнейшим (19 форм м. р. и 1 с. р.). В летописи в сложных формах вспомогательный глагол выступает в виде *су^м* (14х) и *суть* (6х).

Аналитические формы м. р. употребляются в положении, в котором подлежащее выражено именем существительным (12х) или местоимением (3х), ср.: «покрыли су^т море корабли» (л. 23), «ру^ци наали су^т печенъгы» (л. 23)¹⁷, «посли водили су^т» (л. 26 об.), «отроци свѣ нължи изодѣ лися су^т» (л. 27), «наши кнѣзи су^т добри и^ж роспасли су^т» (л. 28), «су^т ап^ли учили» (л. 47), «ап^ли не су^т бы^м» (л. 47 об.), «о^ци на^м се^т не прияли суть» (л. 48 об.), «приходили су^т болгаре» (л. 49), «предали суть ап^ли» (л. 64), «су^т ворози были» (л. 180 об.), «напасти были су^т» (л. 238); «сии <...> суть не исправили» (л. 49 об.), «тии бо суть намолвили» (л. 144 об.), «тии бо су^т хотѣ ли» (л. 178). В 4 случаях производитель действия или не назван, или не выражен И. п., ср. «му^ж <...> и <...> женѣ иже прияли суть» (л. 66 об.), «на поганья иже погубили су^т» (л. 131 об.), «су^т победили» (л. 196 об.), «колѣ нѣ пробѣ гли суть» (л. 134 об.). В сходной обстановке наблюдаются также формы м. р. на *-л-*. Они выступают в позиции рядом с И. п. имени существительного (24х)¹⁸ и с местоимением (2х)¹⁹, ср. «деревляне пришли» (л. 27 об.), «деревляне <...> сами убили» (л. 30), «вси гради <...> яли^{сѣ}» (л. 30), «не взяли печенѣ зи» (л. 36), «прр^ци прорекли» (л. 47), «сотворили ру^ц грекомъ» (л. 62), «лю^де възвыли» (л. 99 об.), «м^чнци кровь свою прольали» (л. 118), «ляхове же обещали^т» (л. 145 об.), «оступили кнѣзи <...> и целовали» (л. 177 об.), «гургии^ж <...> и братня ему дружина и ехали» (л. 188 об.), «посадили мя кияне» (л. 200), «половци <...> ехали» (л. 208), «были с ни^м бояре» (л. 221), «тя привели старейшая дружина» (л. 222 об.), «тебе ростовци привели и бояре» (л. 222 об.), «болгари выслали^т к нему» (л. 229 об.),

¹⁷ В древнерусском языке была возможность согласования формы ед. ч. подлежащего со значением собирательности со сказуемым во мн. ч. [Ларин 1975: 226].

¹⁸ Причисляем здесь также употреблённую форму 3 л. мн. ч. м. р. вмесо формы 3 л. мн. ч. ж. р., ср. «м^три <...> ся не утвердили» (л. 65 об.).

¹⁹ В одном случае форма 3 л. мн. ч. употребляется ошибочно, ср. «видали коня никтоже» (л. 35).

«ру̇ аже пришли на ня» (л. 231 об.), «братъя наша ходили <...> и били̇» (л. 232 об.), «не ходили ни дѣ ди наши» (л. 232 об.), «ны погании воевали» (л. 235 об.); «они сами к ни^М пришли» (л. 232 об.). В положении, в котором производитель действия не назван, выступает 10 форм м. р., ср. «поведали» (л. 104), «целовали» (л. 139), «рекли на^М тако» (л. 149), «хотѣ ли мя убити» (л. 178), «целовали» (л. 178), «не смѣ ли» (л. 232 об.), «бежали» (л. 236), «воротилися» (л. 236), «соняли» (л. 214 об.), «были» (л. 239 об.). В безличных конструкциях встречаем различные формы с. р., ср. «была су^Т ѿ^Г бра^Та» (л. 9) и «сега рад ѿ^Г казни была на ни^Х» (л. 53). Следовательно, формы со вспомогательным глаголом и без него трудно связывать с особой обстановкой, потому что в похожих условиях появляются обе формы. Стоит обратить внимание только на тот факт, что рядом с подлежащим, выраженным указательным местоимением, находим аналитические формы, а рядом с личным местоимением – древнее причастие на *-л-*. Если распределим перфектные формы по раньше выделенным частям летописи, то окажется, что соотношение между формами без вспомогательного глагола и формами с глаголом *суть* представляется следующим образом: в первой части 15:16, во второй - 22:4. Следовательно, можно прийти к выводу, что непоследовательность в употреблении обеих форм связана с отсутствием аналитических форм 3 л. мн. ч. в живой речи. Преобладание форм со вспомогательным глаголом в *Повести временных лет* при одновременном незначительном количестве во второй части летописи подтверждает то, что эти формы являются традиционными.

В *Радзивилловской летописи* находим 2 аналитические формы 2 л. дв. ч., которые употребляются как в позиции, в которой назван субъект действия, так и в положении, в котором нет непосредственного указания на того, к кому обращается говорящий, ср. «възвысила бо еста» (л. 78) и «бра^Та моа аще еста тѣ ло^М отшла» (л. 82).

В летописи выступают также 4 перфектные формы 3 л. дв. ч. м. р. В 3 из них отсутствует вспомогательный глагол. Формы на *-л-* наблюдаются в положении рядом с подлежащим, ср. «ѿ^В кудесника избила» (л. 103), «целовала ко мнѣ крѣть двѣдвича стѣславъ всеводичъ» (л. 178), «убила и двѣдви и всеволоди̇» (л. 179 об.)²⁰. Единственная аналитическая форма употребляется в позиции отдалённой от подлежащего, ср. «ѿ^В кудесника избила уже многы жены по волзе и по шекъснѣ и пришла еста» (л. 103), поэтому, можно сказать, что формы 3 л. дв. ч. употребляются без вспомогательного глагола, если находятся в близком положении от подлежащего.

Учитывая факт, что «дв. ч. в последней четверти XIV в. являлось узуальной <...> подкатегорией» [*Историческая грамматика...* 2001: 180] и *Радзивилловская летопись* характеризуется «масштабными нарушениями в использовании <...> дв. ч.» [*Историческая грамматика...* 2001: 180], можно сказать, что все пер-

²⁰ Обращаем внимание на последнее употребление формы дв. ч., потому что дальше следует форма мн. ч. Не относим этой перфектной формы к числу ошибочных, потому что из контекста следует, что речь идёт о двух Давыдовичах.

фектные формы дв. ч. составитель летописи употребляет в соответствии с традицией. Тем не менее, стоит обратить внимание на то, что в формах 2 л. наблюдаются исключительно аналитические формы, когда в формах 3 л. – прежде всего формы без вспомогательного глагола.

Таким образом, мы представили перфектные формы, выступающие в *Радзивилловской летописи*, и можем прийти к выводам. В памятнике наблюдаем 354 перфектные формы. В 211 случаях встречаем формы без вспомогательного глагола. Остальные 143 формы характеризуются аналитической структурой. Среди них можно выделить 123 формы, восходящие к древнейшим, и 20 форм, у которых глагол *быти* подверглся трансформации или употребился в несоответствующем числе. Древнейший перфект наблюдаем во всех личных формах, выступающих в летописи, за исключением 1 л. мн. ч. Нормативные древнейшие формы составляют значительное большинство среди форм 2 л. ед. ч. (45:2). В формах 2 л. дв. ч. являются единственными (2:0), а в формах 2 л. мн. ч. рассматриваемые формы встречаются наравне с другими, не являющимися традиционными (3:3). В перфектных формах 1 л. и 3 л. ед. ч., а также 3 л. мн. и дв. ч. преобладают новейшие формы. Следовательно, в летописи перфектными формами, сохраняющими тесную связь с древнейшими образцами, были формы 2 л.

Поскольку в жанре летописи накапливаются разные тенденции, и древнейшие, и новейшие, то некоторые аналитические формы надо связывать с традицией. Рассмотрев, в каких условиях применяются в *Радзивилловской летописи* формы со вспомогательным глаголом и без него, можем сказать, что не всегда окружение глагольной формы влияло на её постановку. Ненормализованное употребление форм может свидетельствовать об утрате перфекта с глаголом *быти* в живом языке и об его традиционной записи. Касается это прежде всего форм 3 л. ед. и мн. ч. В летописи единственными формами, характеризующимися исключительно сложной структурой, являются формы 2 л. мн. ч. Тем не менее, колебания, наблюдаемые в постановке правильной формы глагола *быти*, могут свидетельствовать об его утрате в живом языке. Ввиду сказанного выше на тему древнейших форм во 2 л., можем прийти к выводу, что составитель летописи в формах 2 л. мн. ч. гиперкорректно употребляет вспомогательный глагол, пытаясь соблюсти изначальный характер формы. Следовательно, к числу традиционных форм надо отнести также формы 2 л. ед. ч. Формы дв. ч. применяются согласно узусу, который, предположительно, требовал форм 3 л. без вспомогательного глагола при наличии подлежащего. По нашему мнению, стоит обратить внимание на формы 1 л. ед. и мн. ч., потому что они проявляют большую степень нормализации при употреблении форм со вспомогательным глаголом и без него. Применение той или иной перфектной формы в перечисленных выше формах зависело только от наличия личного местоимения в качестве подлежащего. Из этого следует, что формы эти использовались во время становления летописи, если не в живом²¹, то в литературном языке²².

²¹ Предполагаем, что в конце XV в. в живой речи существовали сложные перфектные формы 1 л. ед. ч., потому что, по наблюдениям В. Курашкевича, в восточнославянских говорах по

Библиография

- Bartoszewicz A., 1979, *История русского литературного языка*, Warszawa.
- Букатеви́ч Н.И., Савицкая С.А., Усачева Л. Я., 1974, *Историческая грамматика русского языка*, Киев.
- Булыка А.М., Жураўскі А.І., Крамко І.І., Свяжынскі У.М., 1988, *Мова беларускай пісьменнасці XIV-XVII стст.*, Мінск.
- Историческая грамматика древнерусского языка. Т. 2. Двойственное число*, 2001, ред. В.Б. Крысько, Москва.
- Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол*, 1982, ред. Р.И. Аванесова, В.В. Иванова, Москва.
- Klemensiewicz Z., Lehr-Splawiński T., Urbańczyk S., 1981, *Gramatyka historyczna języka polskiego*, Warszawa.
- Колесов В.В., 2005, *История русского языка*, Москва.
- Kuraszkiewicz W., 1934, *Gramoty halicko-wołyńskie XIV-XV wieku. Studium językowe*, Kraków.
- Ларин Б.А., 1975, *Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.)*, Москва.
- Lehr-Splawiński T., Zwoliński P., Hrabec S., 1956, *Dzieje języka ukraińskiego w zarysie*, Warszawa.
- Никифоров С.Д., 1952, *Глагол. Его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века*, Москва.
- Обнорский С.П., 2010, *Русский литературный язык старейшей поры*, Москва.
- Полное собрание русских летописей, том 38, Радзивилловская летопись*, 1989, ред. Б.А. Рыбакова, В.И. Буганова, Ленинград.
- Радзивилловская летопись*, <http://www.chronologia.org/rare/radzivil/index.html>, (24.08.2013).
- Sielicki F., 1968, *Powieść minionych lat*, Wrocław.
- Соболевский А.С., 1907, *Лекции по истории русского языка*, Москва.
- Stieber Z., 1973, *Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Fleksja werbalna*, Warszawa.
- Шахматов А.А., 2001, *Разыскания о русских летописях*, Кучково поле.
- Ягич И.В., 1889, *Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка*, Санктпетербургъ.

сегодняшний день употребляются формы *бул сми*, *була сми*, в которых *сми* возникло с *есми* [Kuraszkiewicz 1934: 126].

²² Перфектные формы 1 л. ед. ч. со вспомогательным глаголом наблюдались в позднейших памятниках XVI в., в том числе грамотах [*Историческая грамматика...* 1982: 125; Никифоров 1952: 161].

Summary

From the history of the Russian verb – perfectum (on the basis of the *Radziwiłł Chronicle*)

The forms of perfectum that appear in the *Radziwiłł Chronicle* from the 15th century have been presented in the following article. On the basis of conducted analysis it has been stated that in the text the forms in which an auxiliary was not used predominate over the forms in which an auxiliary was retained. At the same time, it has been detected that among the forms of the second person, perfectum with an auxiliary constitutes the majority. Depending on the position of particular forms of the past tense in the sentence, it has been asserted that not always the part of speech that was expressed by the subject had the influence on the use of perfectum with or without the auxiliary word. The same remark applies to the character of syntactic construction. It shows that some of the forms with an auxiliary were used in accordance with tradition. On the basis of the text of the chronicle it has been stated that traditional record concerns the majority of personal forms (the second and third person singular, plural and dual grammatical number), except for the first person singular and plural.

Key words: *perfectum, verb, old Russian, traditional record, Radziwiłł Chronicle*